

Ю. Е. ИВОНИН

**ВОЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ  
ЕВГЕНИЯ САВОЙСКОГО ОТ МИРА В РАШТАТТЕ  
ДО МИРА В ПАССАРОВИЦЕ**

6 марта 1714 г. в Раштатте был подписан мирный договор между Францией и Священной Римской империей, знаменовавший для них окончание войны за испанское наследство. 7 сентября было подписано отдельное соглашение в Бадене между Францией и имперскими чинами. Хотя формально Карл VI не признал Филиппа V и не отказался от прав на испанский трон, передача во владение Австрии испанских Нидерландов и испанских владений в Италии, завоеванных имперскими войсками (Милан, Неаполь, Сардиния, Тоскана), но существу означали косвенный отказ от испанской короны. Одновременно восстанавливались в своих правах баварский и кёльнский курфюрсты. Во время этих переговоров Евгений Савойский проявил качества блестящего дипломата, умея сдерживать эмоциональные порывы и хладнокровно рассчитывать своиходы. Фактически он извлек максимально выгодные уступки со стороны французов, с чем, правда, не всегда соглашались французские историки, стремясь в то же время представить самого себя как носителя мира. Именно в таком качестве он после подписания мира в Раштатте 19 марта 1714г. въезжал в Вену, а 12 сентября совершил подобный же въезд после Баденского конгресса<sup>1</sup>.

Казалось бы, Евгений Савойский находился в зените славы как самый крупный действующий полководец и в то же время миротворец Европы. На одной из памятных медалей и монет, отчеканенных в честь заключения мира, было написано: «*Olira Duo Flumina Belli - Nunc Instrumenta Quietis*». Однако имперские чины были разочарованы тем, что не был создан западный барьер против Франции. Это побудило императора вместе с эрцканцлером империи курфюрстом Майнцским Лотаром Францем фон Шенборном собрать конференцию с представителями Франконского и Швабского имперских округов, на которой им было обещано обеспечение за ними сильных крепостей Филиппсбург и Кель. Но эти решения остались только на бумаге. Имперская администрация больше была озабочена уже не защитой от Франции, тем более что после смерти королевы Анны в Англии пришли снова к власти виги, настроенные на сближение с империей против Франции, а обеспечением наследственных прав габсбургской династии в Европе<sup>1</sup>.

Еще только был подписан мирный договор в Утрехте и было далеко до договора в Раштатте, как Карл VI, будучи еще бездетным, попытался юридически обоснованно урегулировать порядок наследования в документе *Racum tutuae successionis* под названием Прагматической санкции от 19 апреля 1713 г. Этот документ утверждал порядок наследования по женской линии в случае вымирания правящей ветви, т. е. право наследования получали дочери брата императора, а затем его сестры. Когда родилась его собственная дочь Мария Терезия, этот порядок был изменен в ее пользу. Прагматическая санкция была одобрена чинами наследственных земель Габсбургов, а затем император предпринял попытки добиться ее правового признания европейскими государствами. По этому поводу, правда, в кругу Евгения Савойского говорили, что «лучшими гарантами Санкции являются 200 тысяч солдат под ружьем и полная казна». Кроме того, убежденный католик Карл VI не совсем корректно повел себя в религиозных вопросах, пытаясь ослабить протестантов в австрийских землях, что способствовало целому ряду конфессиональных споров в 1712-1713, 1719-1724, 1732 и 1738 гг., едва не приведших империю и Европу к войне. В ответ на некоторые спорные действия католического курфюрста Пфальцкого Карла-Филиппа, дяди императора, протестантские курфюрст Ганноверский и король Пруссский начали репрессии против католиков. Карл Фридрих фон Шенборн в качестве имперского вице-канцлера не всегда действовал в согласии с принцем Евгением, считавшим лучшим вариантом в этой ситуации продолжение политики веротерпимости императоров Леопольда I и Иосифа I<sup>1</sup>.

Ко всему этому добавились распри и споры между немцами, с одной стороны, и пользовавшимися особым покровительством императора испанскими и итальянскими советниками, с другой стороны. Карл VI продолжал

мечтать об испанской короне и лишь в 1725 г. официально признал Филиппа V. Испанские советники видели в Евгении Савойском сильного противника и всячески пытались ослабить его положение при дворе. В 1724 г. Евгений даже подал в отставку с поста штатгальтера австрийских Нидерландов. Позиции Евгения Савойского на некоторое время были серьезно ослаблены, и лишь его популярность как полководца и победы над турками помогали ему сохранить влияние в Хофбурге. Но тем не менее избавиться от принца Евгения испанские советники не могли. Как смерть английской королевы Анны, так и смерть Людовика XIV 1 сентября 1715г. могли изменить соотношение сил в Западной и Центральной Европе. Новый режим во Франции мог вполне определить для себя новые ориентиры и цели. Брак Филиппа V в 1714 г. с Елизаветой Фарнезе, наследницей Пармы-Пьяченцы, после смерти его первой жены Марии Луизы Савойской вызвал обеспокоенность Вены, так как у испанского короля было немало сторонников в Италии. Смерть богемского гофканцлера графа Братислава привела к тому, что на его место был назначен испанский эмигрант граф Карлос Стелла, интриговавший вместе с другим испанским эмигрантом Альтханном против Евгения Савойского. Имперский вице-канцлер фон Шенборн, хотя и находился тогда в хороших отношениях с принцем Евгением, был как бы подpiraем фон Зинцендорфом, а также Бартенштейном и президентом имперского придворного совета Вурмбрандом, что привело к его отставке в 1734 г.

Заключение Раштаттского и Баденского мира устранило только одну из военно-политических проблем Австрийского дома, к которым имел касательство Евгений Савойский. Едва закончились военные действия на западе Европы, как возникли проблемы с новой войной против турок. Усилились претензии испанских Бурбонов в Италии, изменилась расстановка сил в Северной Европе в ходе Второй Северной войны. Карл VI был последним императором, который вследствие своей особой озабоченности испанскими делами продолжал рассматривать имперскую политику, включая комплекс австрийских владений, как продолжение габсбургской великодержавной политики. Столкновение с испанской монархией в Италии было весьма опасным, поскольку вторая жена Филиппа Елизавета Фарнезе, родственница императора, при содействии своего фаворита кардинала Альберони сделала решительную попытку обеспечить для своего младшего сына Дона Карлоса хоть какой-нибудь трон в Италии, а именно в Парме или Тоскане. Даже союз Вены с Лондоном, заключенный 5 июня 1716 г., не остановил испанцев, высадившихся на Сицилии и в Сардинии. Император, Англия и Франция провели своего рода полицейскую акцию, в результате которой Испания была принуждена к миру. Сардиния досталась Савойе, а император объединил под своей властью Неаполь и Сицилию, усилив тем свои позиции в Италии и, казалось бы, вновь

вернув империи ее блеск и могущество. Сближение с Англией было вполне оправданным, так как эта страна в начале века благодаря экономическому подъему и победам Мальборо в войне за испанское наследство стала великой европейской державой. Но усиление трех северогерманских курфюрстов, а именно курфюрста Георга Ганноверского как английского короля, курфюрста Бранденбургского как прусского короля, курфюрста Саксонского Августа Сильного как польского короля, а также герцога Савойского как короля Сардинии, ландграфа Гессен-Кассельского как шведского короля и герцога Шлезвигского как датского короля, создали новые сложные проблемы, которые надо было решать императору и Евгению Савойскому как главному имперскому полководцу и политику. Эту политику можно было бы назвать оппортунистической, без определенной линии или концепции по отношению к Западу. Но здесь надо сделать важное уточнение, так как эта политика была основана не на династических и универсалистских представлениях, а на идее обеспечения прочного положения Австрии и императора в системе европейских государств. И с этой точки зрения важную роль сыграли решительные действия и победы Евгения Савойского в войне с турками в 1714-1718 гг.

Эта линия политики Хофбурга объясняется двумя факторами. С одной стороны, фактически уже определились две зоны непосредственного влияния двух самых крупных германских государств: Пруссия расширяла свое влияние на севере Германии, а Австрия - на юге и западе Германии и на Балканах. К такой политике Вену побуждали, с одной стороны, усиление России на южном направлении, с другой стороны, активная политика Стамбула в Юго-Восточной Европе и Восточном Средиземноморье. Кроме того, в Вене сохранялись в отношении Османской империи прежние установки как к врагу христианской веры. Повод для новой войны создал сам Стамбул. Состояние временного мира между Османской империей и Россией дало возможность Порте сосредоточить свое внимание на Балканах и Средиземноморье. Волнения местного населения на Пелопоннесе (Морее) против венецианцев давало повод Стамбулу для ревизии территориальных споров с Венецией. Возможно, что турки могли предпринять и поход в Венгрию, но отправка императором 50-тысячной армии на границу с Османской империей остудила горячие головы в Стамбуле. Тогда в декабре 1714 г. великий визирь Дамад Али Паша сообщил венецианскому послу об объявлении войны и дал венецианцам три недели для того, чтобы покинуть земли Османской империи. Расчет был прост: после захвата Морей турки рассчитывали двинуться в Венгрию. Но Венецианская республика потребовала от Австрии оказать ей помощь согласно договору о Священной лиге 1684 г. В Вене отреагировали не сразу. Как ни хотелось Евгению Савойскому как председателю Гофкригсрата нанести удар по туркам, он в письме Карлу VI заметил, что новый военный

конфликт после продолжительной и разорительной войны против Франции был бы нежелательным, и рекомендовал придерживаться нейтралитета и политики невмешательства. Когда попытки добиться заключения мира между Турцией и Венецией не увенчались успехом, в Вене заговорили о военных акциях против турок, чему благоприятствовала незначительная занятость австрийской армии в войне с Испанией. Некоторые венские политики даже считали, что вмешательство императора в турецко-венецианский конфликт может способствовать разгрому турок и даже вытеснению их из Европы. Тем временем турки без труда овладели Пелопоннесом и рядом крепостей на Крите. Заверениям турецких послов о сохранении дружественных отношений с империей Евгений Савойский не доверял и на заседаниях Тайной конференции говорил о неизбежном столкновении с «наследственным врагом». Разумеется, подготовка к войне с турками должна была дорого обойтись австрийской казне, что было для нее постоянной проблемой. Эта проблема и в самом деле была очень болезненной: на модернизацию не только армии, но и государственного аппарата денег постоянно не хватало, поэтому уже в ходе войны за испанское наследство выявилась зависимость имперской армии от английских кредитов, а с усложнением материально-технического обеспечения эта зависимость только увеличивалась. На эту кампанию требовалась сумма в 20 млн гульденов и армия в количестве от 80 до 90 тысяч человек со 100 орудиями, и это при условии нахождения 40 тысяч человек в крепостях Трансильвании и Южной Венгрии.

Наконец, партия немецких советников, возглавляемая Евгением Савойским и настроенная на решительную войну с турками, одержала верх над незаинтересованными в войне испанскими советниками императора, который при всех колебаниях все же считал долгом чести вести священную войну против магометан. 14 апреля 1716 г. был подписан союзный договор с Венецианской республикой. Император потребовал от Стамбула вернуть Пелопоннес Венеции, на что тот ответил объявлением войны. В армии принца Евгения не было контингентов из империи, а были только из австрийских владений, но тем не менее он предпринял решительный марш на юг. 15 августа он одержал блестящую победу над турками при Петервардейне. Напротив крепости расположились основные силы в количестве 60 тысяч человек, которые утром 16 августа начали штурм. Выполнение главной задачи было возложено на левое крыло, которое должно было овладеть холмом с турецкими пушками. Особое внимание Евгений Савойский уделил равномерному чередованию атак кавалерийских эскадронов и пехоты с артиллерийским огнем. Утренний туман не дал туркам возможности наблюдать за перемещениями австрийских войск и поддерживать единый порядок ведения битвы. Но туман вносил путаницу и в передвижения австрийских контингентов. Левый фланг

выдерживал атаки турок, а сам Савойский организовал мощную атаку на холм с турецкими пушками. Турки не могли даже толком отступить. Эта атака решила исход битвы и судьбу Белграда. Австрийской армии удалось захватить укрепления вдоль берега, и уже 22 августа Евгений Савойский как победитель въезжал в крепость, оставленную накануне турками. В этой битве турки потеряли от 5 до 10 тысяч человек и 150 орудий, тогда как победители понесли также немалые жертвы — приблизительно около 5 тысяч человек. Вскоре Евгений Савойский покинул Белград и уже 13 сентября въехал в Вену. Еще по пути домой он получил благодарственное письмо от императора, затем он получил поздравительные письма от ряда монархов Европы, в том числе от прусского короля Фридриха Вильгельма I с предложением заключить дружественное соглашение между Бранденбургом-Пруссией и Австрией. Заключенный 21 июля 1718 г. при посредничестве Англии и Голландии мир в Пассаровице (Ложареваце) между Османской империей и Австрией укрепил позиции Вены на Балканах. Победа Евгения Савойского вызвала сильное воодушевление в католической части империи. Сам принц купался в лучах славы победителя турок, а император восхвалялся как защитник христианской веры в борьбе против ее наследственного врага. Заметим, правда, что Венеция все же потеряла Пелопоннес, а вместе с ним окончательно выпала из числа европейских держав. Мир был ускорен не только высадкой испанских войск в составе 20 тысяч человек на Сицилии, разрушившей надежды папы римского на единство христианских государств в борьбе против «неверных», но и страхом некоторых европейских держав, что Габсбурги, расширив свое влияние на Балканах, попытаются распространить его далее на всю Европу, тогда как сам Хофбург подозревал Россию и Польшу в поисках усиления своих позиций за счет Турции.

Опасения европейских держав в известной мере были напрасными, так как у Австрии не было на это уже сил и финансов, а Петербург в последующие несколько десятилетий был лояльным союзником Вены, в том числе и на Балканах<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С. 669; Шмидт Г. Иосиф I (1705-1711) // Линг А., Циглер В. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов-на-Дону, 1997. С. 247-248. 258; Press V. Kriege und Krisen. Deutschland 1600-1715. München, 1991. S. 469-471; Weber H. Prinz Eugen und Frankreich // Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit. Hrsg. von J. Kunisch. Freiburg/Wurzburg, 1986. S. 108-109; Vocolka K. Österreichische Geschichte 1700-1815. Glanz und Untergang der Hofischen Welt. Wien, 2001. S. 154; Braubach M. Prinz Eugen von Savoyen. Eine Biographie. Bd. III, Wien, 1964. S. 98-143, 147-151, 178-228; Aretin K. O. von. Das Alte Reich. Bd. 2. Kaiserstradition und österreichische Grossmachtpolitik (1684-1745). Stuttgart, 1997. S. 240-245.

<sup>2</sup> Braubach M. Op. cit. Bd. III. S. 226-229; Aretin K. O. von. Op. cit. S. 246-247.

<sup>1</sup> *Шмидт Г.* Указ. соч. С. 248, 251, 254; *Kunisch J.* Prinz Eugen und der Staat // Prinz Eugen von Savoyen. S. 11-13; *Duchhardt H.* Europa am Vorabend der Moderne 1650-1800. Stuttgart, 2003. S. 260-261; *Aretin K. O. von.* Op. cit. Bd. 2. S. 295-301.

S. 332.

<sup>2</sup> *Шмидт Г.* Указ. соч. С. 249-250; *Aretin K. O. von.* Op. cit. Bd. 2. S. 248-257; *Schmidt G.* Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der Frühen Neuzeit 1495-1806. München, 1999. S. 246-247; *Braubach M.* Op. cit. Bd. III. S. 240-241.

<sup>3</sup> *Schilling H.* Hole und Allianzen. Deutschland 1648-1763. Berlin, 1998. S. 279-280; *Duchhardt H.* Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700-1785. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1997. S. 121, 193.

<sup>4</sup> *Parvey I.* Habsburgs and Ottomans between Vienna and Belgrade (1683-1739). N.-Y., 1995. P. 152-153; *Braubach M.* Op. cit. Bd. III. S. 295-297, 310-312.

Op. cit. Bd. III. S. 355-363, 378-379; *Parvey I.* Op.cit. P. 180-205; *Aretin K. O. von.* Op. cit. Bd. 2. S. 252-253; *Duchhardt H.* Balance of Power. S. 396-397.